

После матча британская пресса буквально взорвалась хвалебными отзывами в адрес «Куинз Парк Рейнджерс». Издание *The Observer* отметило: если «обручи» сумеют удержать заданный темп, они без сомнения станут главной темной лошадкой нынешнего сезона Премьер-лиги.

Линь Чжигао после этой игры обзавелся звучным прозвищем — Мускулистая Барби. Всеми виной его бурные празднования голов: юноша сначала умудрился поднять в воздух увесистого тренера, а во второй раз и вовсе играючи, одними руками, подбросил в небо Кэмпбелла. Сила в его руках таилась невероятная. Операторы к тому же крупным планом выхватили рельефные мышцы, проступавшие под натянутой футболкой. Теперь вся Англия знала: у семнадцатилетнего китайского форварда выдающимся был не только дриблинг, но и физическая подготовка.

Дошло до того, что безумные фанатки начали заваливать его письмами с пикантными снимками в купальниках, предлагая провести незабываемую ночь и «вкусить экзотики с восточным мальчиком». Одноклубники, добравшись до этих посланий, покатывались со смеху. Они наперебой подзуживали Линя сходить на свидание. И вовсе не из благородства или отсутствия зависти — просто девица на фото оказалась, скажем так, на любителя. При весьма выдающихся формах лицом она удивительно напоминала британскую версию Сестры Фэн. Парень рассудил, что от такого счастья лучше держаться подальше.

Сразу после тяжелого противостояния с «Ливерпулем» руководство клуба распустило команду на заслуженные рождественские каникулы. Неделя отдыха — и уже двадцать восьмого числа игрокам основы предстояло вернуться на базу для подготовки к матчу против «Манчестер Сити». Чжигао зря времени не терял: он заранее взял билет на ночной рейс до Пекина на двадцать третье декабря. Оттуда — пересадка до Чжэнчжоу, и уже к вечеру того же дня он планировал переступить порог родного дома.

Но перед тем как сесть в самолет, ему нужно было уладить еще одно важное дело — встретиться с одним человеком.

Зайдя в неприметную кофейню в районе Фулхэм, Чжигао сразу заметил мужчину азиатской внешности у окна. Тот сидел в строгом черном пальто и неспешно потягивал напиток. Поскольку других азиатов в заведении не наблюдалось, сомнений не оставалось: перед ним сидел Цзян Шупэн — человек, которого ему настоятельно рекомендовал Сунь Давэй.

Шупэн читал газету, перед ним дымилась чашка свежесваренного кофе. На вид ему было около тридцати — куда моложе и, откровенно говоря, привлекательнее старины Суня. Глядя на них, сложно было поверить, что они сверстники. С округлым пивным брюшком Давэя тот выглядел как минимум на пяток лет старше своего товарища.

Отодвинув стул напротив, Чжигао уселся и жестом подозвал официанта, чтобы заказать себе кофе.

Шупэн оторвался от чтения, аккуратно отложил газету и, достав из кармана визитку,

пододвинул ее к парню.

Чжигао мельком взглянул на плотную бумагу. Лаконичная надпись гласила: * «Цзян Шупэн. Футбольный агент»*, а пониже шел номер телефона. Простой, строгий дизайн отлично гармонировал с обликом собеседника.

Чжигао неловко почесал затылок. Мужчина показался ему излишне суровым и неразговорчивым, так что пришлось брать инициативу в свои руки:

— Ну... Сунь Давэй ведь уже ввел вас в курс дела?

— Да, — лаконично отозвался Шупэн. Слов на ветер он явно не бросал.

— Тогда как поступим? Летите со мной в Китай или доберетесь позже?

Агент удивленно приподнял брови:

— Ты хочешь, чтобы я полетел с тобой?

— Дома наверняка начнется суматоха, — принялся объяснять Чжигао. — Нужно, чтобы кто-то профессионально отсекал лишних людей и назойливых репортеров. К тому же хочу познакомить вас с родителями. Отец у меня строгий, пока сам вас не расспросит и не оценит, ни за что не разрешит подписать контракт. А после Нового года у меня времени на поездки не будет. Лучше уладить все дела разом.

— Ты... уверен, что хочешь видеть меня своим агентом? — в голосе собеседника проскользнули холодные нотки сомнения. — Честно скажу: у меня почти нет связей ни в Европе, ни на родине. Знаком лишь с парой журналистов да телевизионщиков. Моя помощь будет минимальной. Понимаешь, в Европе азиатским агентам не рады. Я пытался работать с ребятами из России, но их увольняли меньше чем через сезон. С африканцами та же история — все они в итоге уходят к своим соотечественникам или родственникам. Я уже очень давно без официальной работы.

— И чем же вы занимались все это время? — поинтересовался парень.

— Учил испанский, итальянский и немецкий, — с легкой, едва заметной горечью улыбнулся Шупэн. — Подрабатывал переводами, писал путевые заметки для отечественных журналов, баловался акциями на бирже. В общем, крутился как мог. Такой специалист, как я, едва ли принесет пользу твоей карьере. Когда Давэй заикнулся о нашей встрече, я сразу подумал, что мы не сработаемся. Ты молод, у тебя впереди блестящее будущее. Стоит тебе намекнуть на родине, что ищешь агента, за тобой выстроится очередь из акул этого бизнеса. Да и в Европе ты легко найдешь топ-менеджера. Если хочешь, я даже могу порекомендовать пару надежных людей.

— И почему вы так упорно отказываетесь попробовать? — Чжигао пожал плечами. — Я еще из рассказов Суня понял, что вы отличный парень. А теперь, когда увидел вас вживую, только укрепился в этой мысли. Так что ваша интуиция вас нагло обманывает.

— Я действительно мало чем могу помочь. Если бы ты пообщался с нашими маститыми спортивными функционерами, ты бы понял, о чем я, — мягко возразил Цзян. — Лучше я сразу разложу карты на стол, чем через пару лет ты пожалеешь о нашем сотрудничестве и разорвешь контракт.

Чжигао не ожидал такого упрямства. Отпихивать от себя столь лакомый кусок... Впрочем, это лишь подтверждало честность и порядочность мужчины. По крайней мере, скользким типом и мошенником он точно не был.

— Вы без конца перечисляете свои минусы. Но задумывались ли вы, какой именно агент нужен мне?

Шупэн в замешательстве качнул головой.

Чжигао принялся загибать пальцы:

— Во-первых, кристально честный. Чтобы не крутил за моей спиной мутные схемы с откатами и не втягивал меня в то, что мне противно. Во-вторых, способный взять на себя общение с прессой и чиновниками на родине, избавляя меня от дурацких банкетов. В-третьих, человек, который будет ставить мои спортивные интересы выше сиюминутной наживы. Ну и знание языков: если я решу сменить Англию на другой европейский чемпионат, мне понадобится тот, кто сможет без труда вести переговоры. Как видите, по всем пунктам стопроцентное попадание. А то, чего у вас якобы нет... Связи, рекламные контракты с мировыми брендами и интерес со стороны грандов — это вообще не ваша забота. Если я буду пахать на поле и забивать пачками, они сами приползут ко мне на коленях, — в голосе молодого нападающего звенела абсолютная уверенность. — Мое дело — доказывать все игрой. Вы брезговали грязными играми раньше, и вам не придется пачкаться в будущем. Я эту фальшь тоже терпеть не могу. Знаю, вас знатно потрепали неблагодарные люди в прошлом. Но даю вам священную клятву: я вас никогда не предаю и буду хранить вам верность до гробовой доски...

Пока юнец взхлеб вещал о своих грандиозных планах, зачерстневшее сердце Цзяна постепенно оттаивало. Однако от пафосного обещания «хранить верность до гробовой доски» мужчина едва не прыснул со смеху. Какая еще верность между двумя мужиками? Интересно, учитель словесности этого парня вообще заглядывал в учебники?

Выпалив все на одном дыхании, Чжигао почувствовал сухость в горле. Он схватил принесенную официантом чашку и знатным глотком осушил половину. Спустя пару секунд его лицо пошло пунцовыми пятнами, и кофейню огласил истошный вопль:

— А-а-а! Кипяток! Я язык сжег! Мама родная!

Шупэн, с трудом сдерживая улыбку, налил из графина ледяной воды и протянул бедолаге.

Парень жадно, в несколько глотков выпил спасительную влагу, вывалил обожженный красный язык наружу и принялся смешно дышать на него, остужая. Придя в себя, он обиженно заворчал:

— Ну надо же... Приносят лаву какую-то и хоть бы предупредили!

— На какое время у тебя вылет? — спросил Цзян.

— На три часа ночи.

Собеседник взглянул на часы.

— Хорошо. Тогда я поеду соберу вещи. Встретимся уже в аэропорту.

Чжигао просиял:

— Значит, вы летите со мной?

— Не обещаю золотых гор, но сделаю все, чтобы ты не пожалел о своем выборе, — серьезно ответил Шупэн. В этот момент от него веяло такой непоколебимой честностью и благородством, что на ум невольно приходило старинное слово «джентльмен».

— Отлично! Тогда до встречи в терминале!

Одиннадцатичасовой перелет до Китая выдался непростым. Из-за предновогоднего ажиотажа салон был забит под завязку, и нормально поспать Чжигао так и не удалось. К счастью, рейс выполняли британские авиалинии. Очаровательная рыжеволосая бортпроводница узнала восходящую звезду футбола — как выяснилось, она смотрела его последние матчи. Проявив заботу, девушка пересадил спортсмена на более комфортное место у иллюминатора и принесла стопку свежих спортивных журналов, чтобы скрасить долгий путь.

Когда шасси коснулись взлетно-посадочной полосы пекинского аэропорта Шоуду, Чжигао тепло попрощался с любезной стюардессой. Однако стоило ему выйти в терминал, как заветный клочок бумаги с ее номером телефона безжалостно отправился в ближайшую урну.

Шупэн усмехнулся:

— Какая женщина обратила на тебя внимание, а ты ее в утиль?

Чжигао состроил недовольную мину и указал пальцем на свою гладкую, без единого намека на щетину щеку:

— Женщина, конечно, эффектная, но ей же явно за двадцать пять. Я для нее совсем еще зеленый, а на роль малолетнего любовника не подхожу. Или она вам приглянулась? Если надо, я могу вернуться и выудить записку из мусорки.

Цзян поспешно замахал руками:

— Спасибо, избавь меня от этого. Пусть лучше лежит там, где лежит.

Быстро переоформив билеты на внутренний рейс до Чжэнчжоу и переждав утомительную стыковку, они прибыли на место только к восьми часам вечера. Чжэнчжоу встретил их морем неоновых огней, когда шасси коснулись бетона аэропорта Синьчжэн.

Едва выйдя из зоны прилета, Чжигао заприметил в толпе встречающих знакомые силуэты родителей. Он бурно замахал руками, привлекая внимание:

— Папа! Мама! Я здесь!

Линь Чанъянь и Цянь Хунъянь поспешили навстречу сыну. Забирая у него тяжелые сумки, мать с легким недоумением покосилась на стоящего рядом мужчину:

— Гаогао, а это твой приятель?

— Мой агент! — гордо объявил Чжигао, хлопнув спутника по плечу. — Настоящий профи, выпускник элитного вуза, говорит на пяти языках. Наш общий знакомый журналист помог мне отыскать этого самородка.

Шупэн, не привыкший к столь фамильярным жестам, тактично убрал руку парня со своего плеча и вежливо поприветствовал родителей. Лао Линь, проработавший на государственном предприятии более двадцати лет, обладал рентгеновским взглядом. Он мгновенно и очень цепко оценил гостя с ног до головы. Цзян держался с безупречным достоинством, не выказывая ни малейшего волнения. Осмотр завершился крепким рукопожатием. Отец тепло улыбнулся:

— Что ж, вверяю нашего Гаогао в ваши руки. Надеюсь на вас.

— Сделаю все, что в моих силах, — серьезно пообещал Шупэн.

— Ладно, по коням! Нужно как следует отметить твое возвращение, — Лао Линь крепко обнял сына, которого не видел больше полугода. Заметив, как обычно сдержанная супруга, до сих пор не до конца одобрявшая увлечение сына футболом, прячет слезы тоски в уголках глаз, он с улыбкой подтолкнул парня к ней: — Ну же, обними маму. А потом решим, куда поедем ужинать. Чего твой желудок желает, Гаогао?

Чжигао обернулся к агенту:

— А вы чего хотите?

— Я полностью полагаюсь на ваш вкус, — вежливо отозвался тот.

— Тогда только хого! — закричал Чжигао. — В Англии я спал и видел наш острый сычуаньский бульон! И тончайшие ломтики нежной баранины... — От одних воспоминаний у парня потекли слюнки.

Отец весело расхохотался:

— Договорились! Едем на китайский самовар!

После душевного и шумного застолья Линь Чанъянь радушно предложил Цзяну остановиться у них, но тот вежливо отказался, сославшись на то, что уже забронировал номер в гостинице и должен разобрать рабочие документы. попрощавшись, он поймал такси и уехал вместе со своим чемоданом.

По дороге домой Чжигао, сидевший на заднем сиденье отцовской машины, поспешил достать свой главный козырь — дорогой набор косметики, купленный в Лондоне специально для матери. Он принялся вовсю ластиться к Цянь Хунъянь. Пользуясь тем, что посторонних глаз рядом не было, парень уткнулся маме в плечо, уверяя, что безумно скучал по родному дому и ее фирменным блюдам.

Ледяная броня Хунъянь окончательно растаяла. Чжигао привез подарки не только родителям — он не забыл никого: ни бабушек с дедушками, ни дядей с тетями. В его огромном чемодане лежала всего одна смена одежды для себя, все остальное пространство занимали сувениры для многочисленной родни. Мать крепко прижала к себе сына и принялась негромко расспрашивать о его лондонском быте.

Наблюдая за ними в зеркало заднего вида, Лао Линь самодовольно улыбался. Он ведь знал: какие бы тучи ни сгущались из-за его спортивной карьеры, при личной встрече от обид не останется и следа. Супруга его только с виду казалась неприступной скалой, а на деле обладала золотым и очень любящим сердцем.

Уже в подъезде, когда они подошли к лифту, двери кабины распахнулись, и оттуда навстречу вышла чета Чжэн — соседи сверху, вместе со своей дочерью. Судя по всему, они куда-то направлялись. Завидев Чжигао, тетушка Чжэн театрально всплеснула руками:

— Батюшки, это никак наш Гаогао вернулся? Мой старик только вчера хвастался, что видел тебя по телевизору! Какими судьбами в родных краях?

Откровенно говоря, Чжигао эту семейку терпеть не мог. Когда его со скандалом отчислили из школы, именно тетушка Чжэн усерднее всех исходила желчью, распуская по двору грязные слухи. Она уверяла соседей, что парень катится по наклонной, ввязывается в драки, крутит амуры и закончит жизнь на панели или в тюрьме.

Юноша демонстративно отвернулся, не желая даже смотреть в ее сторону.

Однако приличия требовали вежливости. Заходя в лифт, Линь Чанъань дипломатично ответил:

— Да вот, в Европе сейчас Рождество празднуют, клубу дали неделю отдыха. Вот Гаогао и вырвался на пару дней повидаться.

— Ой, так давайте завтра вечером вместе в ресторанчик сходим? — засуетилась соседка, пытаясь поймать взгляд Чанъаня. — Или послезавтра! Парень-то как поднялся, пусть расскажет нам, каково оно там, в этих заграничах англицких!

— Боюсь, никак не получится, — мягко отказал Лао Линь. — График у него расписан буквально по минутам. Завтра пресса приезжает интервью брать, потом дела с рекламными контрактами улаживать нужно... Так что давайте как-нибудь в другой раз.

Пока отец вел светскую беседу, Чжигао за спиной нажал кнопку закрытия дверей. Створки плавно сошлись, скрывая недовольное и разочарованное лицо тетушки Чжэн.

— Мог бы и поздороваться ради приличия, все-таки старшие, — негромко пожурил сына Чанъань.

— Нашли тоже мне «старших»! — фыркнул парень, скорчив забавную гримасу. — Только и умеет, что грязью за спиной поливать да пророчить мне участь нищего тунеядца. Да я сейчас за год зарабатываю больше, чем вся ее семья за всю жизнь увидит!

Хунъянь не выдержала и мягко улыбнулась, потрепав сына по вихрастой макушке:

— И сколько ты сможешь побыть дома? Неужели всего неделю?

— Наверное, даже меньше... Дня три-четыре, — Чжигао виновато опустил глаза, не решаясь

встретиться взглядом с матерью. — Понимаешь, нам с агентом еще нужно смотаться в Пекин. Я давно обещал телевизионщикам сняться в одной передаче, да и официальный контракт с Цзяном надо оформить. Ну и в Китайской футбольной ассоциации отметить, документы подать...

Лицо матери мгновенно помрачнело.

Чанъань бросил на жену короткий взгляд и устало потер переносицу. Ну вот, началось. Стоит сыну уехать обратно за океан, как супруга снова примется пилить его за то, что он отпустил единственного ребенка в эту чертову Европу.

<http://bllate.org/book/18232/1765013>